

В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка.

II: L—R, II., 1973. 448 стр.

Недавний выход в свет второго тома историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева, безусловно, является большим событием в нашей лингвистической научной жизни. Этот труд служит долгожданным продолжением не менее капитального тома I названного словаря (М.—Л., I: А—К, 1958, 655 стр.). Пятнадцатилетний промежуток времени между публикацией обоих томов был заполнен интенсивной работой автора над разнообразными проблемами и аспектами этимологических исследований. На первом месте назовем здесь европейские связи осетинского и его предшественников — аланского и скифосарматского языка¹. Как и следовало ожидать, новый том названного словаря отразил итоги также этих разысканий автора (см. «Предисловие», стр. 4).

Более двадцати лет работы по подготовке осетинского историко-этимологического словаря следует оценивать не только как проявление устойчивого индивидуального интереса к этому предмету со стороны самого ученого, но и как довольно верное отображение той выдающейся роли, которую этот объект исследования играет в науке. Этнолингвистическая история осетин — сюжет, изобилующий яркими контрастами: маленький народ, населяющий две небольшие республики на Кавказе, и одновременно — продолжатель языка многочисленных скифских племен, занимавших некогда огромные пространства от Северного Причерноморья до глубин Азии, молодая письменность и древнейшая история, праязыковая древность, великолепно уживающаяся с контактными явлениями, усвоенными от аборигенных языков Кавказа, — все это и многое другое сообщает осетинскому языку и прежде всего осетинской этимологии как объекту исследования значительность и неповторимое своеобразие. Читателям «Вопросов языкознания» излишне впускать мысль, что именно в лице В. И. Абаева эта актуальная область сравнительно-исторического языкознания получила своего яркого и вдохновенного исследователя. Равномерно рецензировать новый труд В. И. Абаева — нелегкая и едва ли выполнимая задача, особенно для неираниста. Ни этимолог-славист, ни германист, ни специалист по этимологии латинского языка (список этот можно было бы продолжить) не пройдут мимо рецензируемого словаря осетинского языка. Напротив, есть все основания для того, чтобы считать, что этот словарь,

как и другие работы В. И. Абаева, вызывает острый интерес у самых различных специалистов, влияют на науку, входят в ее обиход, способствуют познанию новых фактов и открытию новых путей. Причина кроется в такой привлекательной черте Абаева-ученого, как необыкновенная широта исследовательского кругозора, перспективность исканий, умение работать «на стыке» проблем и дисциплин и — не в последнюю очередь — умение увлекательно и доступно излагать результаты своих исследований.

Содержание нижеследующих заметок рецензента ограничивается главным образом оценкой элементов славянской и русской этимологии в новом II томе словаря В. И. Абаева, хотя мы позволяем себе высказать отдельные замечания также по иранской и индоевропейской этимологии у В. И. Абаева. Как уже сказано, словарь по праву вызывает у нас острый интерес, т. е. желание спорить с автором по одним вопросам и одновременное признание его правоты по другим вопросам. Свои замечания того и другого рода мы располагаем поэтому в свободном порядке, ориентируясь для удобства на порядок изложения в слове.

Для начала отметим хороший академический (издательский и полиграфический) уровень этой новой публикации, которая осуществлена в духе лучших традиций русской и советской науки. Для тех, кто из своего опыта знает, какое это сложное дело — набор и корректура книги по этимологии, понятны и простительны не столь уж многочисленные опечатки, правда, не во всех случаях учтенные в приложенном списке, например: *Werkzeugen* (стр. 100), надо *Werkzeugen*; венг. *mű* (стр. 113), надо *mű*; *šeme* (стр. 138), надо *šeme*; *Bárcsi* (стр. 352, дважды), надо *Bárczi*; литов. *grėbiu*, *grėbti* (стр. 408), надо *griebiu*, *griebti*.

Что касается лексики славянских и прежде всего восточнославянских языков, то она всегда занимала видное место в этимологических исследованиях автора. Достаточно вспомнить его открытие этимологии русск. диалектн. (новг.) *dávisь* «одногодок», эффективное и в плане лингвистической географии (путь через коми **davis*, с севернопермяцким переходом $v < l$, из осет. *dalis* «годовалый барашек» от иран. **dāriša-*), украсившее собой I том рецензируемого словаря (см. стр. 655). Таких находок и прозорливых комментариев, особенно по русским диалектным словам, там много. Внимание к этому неиранскому материалу характерно и для II тома словаря В. И. Абаева. В большинстве своем эти наблюдения и сравнения полезны, они касаются часто неясной лексики русского языка,

¹ См. прежде всего книгу: В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада, М., 1965.

прояснению которой автор так или иначе способствует, даже если мы не со всеми его сравнениями согласны. Так, русск. *мосбл* «(большая) кость» он сближает с осет. *mæsiŋdʒæg* «кулак» (стр. 104), но русское слово объясняется как суффиксальное производное **tot-sl-* от основы глагола *мотать*, ср. диалектные варианты *мотолыга*, *молабыки*, *мостолыга*². Как любопытное отметим сближение осет. *толуп* «выигрывать; обыгрывать» с русск. *мылить* «обманывать», *дурчить*, *морчить»,* чеш. *mýliti*, польск. *mylić* в близких значениях (стр. 129). Русск. *мурá* «крошес; крошенный хлеб в квасу» относится к осет. *mūr/moræ* «кроха, крошка, крупица» (стр. 132—133).

Из кавказского идет, возможно, ст.-слав. *mostь* первоначально «утрамбованная площадка, пол», — пишет автор в связи с осет. *mūs/mos* «площадка для молотбы; ток», относя его к западнокавказским, ср. абаз. *mašw* «ток» (стр. 133). Возможно, это справедливо применительно к осетинскому, но гипотеза западнокавказского происхождения общеславянского слова *mostь* не вызывает сочувствия. Не говоря о сомнительном результате всех имевших до сих пор место попыток выявить столь древние лексические общности славянских языков с Кавказом, из существующих противоречивых этимологий этого славянского слова все-таки наиболее вероятна (и проста) этимология Брюкнера из **tot-los* от *метать*³, ср. ясный след этого в древнерусском обороте *мостъ переметати* «разобрать, разломать мост»⁴.

Далее В. И. Абаев указывает на параллелизм образований осет. *næwunon/*(*æ*)*næwinon* «ненавистный; кого не хочется видеть» и русск. *ненавидеть* (стр. 175). Несколько случайно выглядит его сближение приставочных сложений осет. *путы́зун/пото́зун* «показывать на кого-либо; доносить; рекомендовать» (иранская праформа **ni-maš-*) и русск. *на-мекать* (стр. 205). Русское слово трудно отрывать от *метить*, *на-метить*. Любопытна связь осет. *pus* «пустой; пустотелый; неплотный» со слав. *пусть*, которую автор упоминает с сомнением (стр. 246). Впервые предлагается сближение осет. *p'aræx*, *p'arwæx* «кожица; чешуя» (иран. **parwa-*) и слав. **pelva*, откуда русск. *полба* «мякина», ст.-слав. *пльвы* мя. и т. д. (правда, при этом В. И. Абаев не совсем точно называет церковносла-

вянскую форму *плева* русской; сближение квалифицируется как древняя скифо-славянская изоглосса (стр. 249). Осет. *p'æpæx* «тесло (топорик с лезвием, перпендикулярным к топищу)» относится «к несохранившемуся слав. **po-nožь* или **po-noza*; ср. *нож*, *за-ноза* и многочисленные образования с приставкой *po-*» (стр. 249), что в целом крайне сомнительно, как понимает и сам автор.

Довольно темное осетинское слово *p'æzzy/p'æzi* «ночной кошмар (мыслится как некое чудовище, которое, являясь к спящему, давит и душит его)» после крайне сомнительных финно-угорских сближений подтверждается не менее сомнительному сравнению со словен. *rozǝj*, серб.-хорв. *rozǝj*, нижнедуж. *rbǝoj* «чудовище, змей, дракон» (стр. 250). Славянское слово имеет очень четкую структуру славянского префиксального сложения, осетинское продолжает оставаться темным, поэтому говорить здесь о скифо-славянской изоглоссе преждевременно; возможно, осетинское слово с его специфическим значением «ночной кошмар; то, что душит» явилось порождением совсем иных языковых отношений, ср., например, греч. *λέγω* «жать, давить, теснить, угнетать, мучить»?

Небольшой алфавитный разряд слов на *p'* начальное (стр. 249—251: одиннадцать словарных статей) вообще, надо сказать, обращает на себя внимание рядом темных слов и соответственно — относительно большим количеством неудачных или проблематичных авторских этимологий. Кроме объективных затруднений в виде неясности структуры и происхождения слов, есть случаи, когда автор оперирует здесь не очень точными сравнениями и формами из славянских языков. Например, осет. *p'olci* «платье женское» в словаре объясняется «может быть, из праславянского **polte* (русск. *платье*), производного с собирательным значением от **polte*, русск. *плат...*» (стр. 251). Но если бы *платье* и *плат* восходили к праслав. **polte*, это были бы не русские, а церковнославянские формы. Два мнения тут едва ли возможны, и этот вопрос нельзя решать в духе перекрестных изоглосс. Для исконнорусских форм *плат*, *платок*, *платье* возможны только праславянские реконструкции **platъ*, **plateje* (приводимая В. И. Абаевым форма праслав. **polteje* неточна, так как из нее получилось бы русское окончание *-че, а не -тые). Тем не менее родственное им русск. *полотно*, действительно, восходит к дOMETATEЗНОЙ форме праслав. **polъno*, ср. болг. *платно*, но польск. *plótno*. Отношения родства русск. *плат*, *платье* и *полотно*, близость которых не вызывает никаких сомнений ни в формальном, ни в семантическом плане, смущают исследователей до самого последнего времени и требуют, по-видимому, очень четких оговорок при определе-

² О. Н. Трубачев. Работа над этимологическим словарем славянских языков, ВЯ, 1967, 4, стр. 38.

³ См.: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, II, М., 1967, стр. 662 (там же прочая литература).

⁴ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, II, М., 1958, стлб. 910.

нии соответствующих праязыковых состояний, а именно: праслав. **plabъ* мы должны трактовать как нулевую огласовку корня при полной огласовке суффиксальной части *pl-a-t-i*, наоборот, праслав. **polъno* — как полную огласовку того же корня при нулевой огласовке того же суффикса **pol-t-*. Роль элемента *-a-* аналогична тому, что мы наблюдаем в праславянских именных вариантах **kōrkъ*/**kōrakъ*, ср. польск. *krok* «шаг», русск. *о-корок* при сербохорв. *kōrāk* «шаг».

Неясны мотивы допускаемой автором связи осет. *qasъa* «живот, брюхо» с цслав. *gaci*, русск. *gачи* «штаны» (в словаре: ст.-слав. *gašta*, русск. *gача*, стр. 299). Ведь автор тут же признает возможность объяснения *-ta* как позднего, осетинского наращения, значит, в этимологизируемом осетинском названии живота выделяется основа *qas-*. Крайне недостаточно и семантических связей между значениями «нога/штаны» и «живот». Слав. **gatji* мн., конечно, скорее всего восходит к и.-е. **g^uā-* «идти, ходить». Русск. диалектн. *гилка* «ветка», приводимое вслед за Далем, есть не что иное, как укр. *гилка* (у Дала: юж.) и потому продолжает праслав. **golъka*, а такие русские слова, как *гиля* «лапта» и *гиля* «долговязый», восходят к праслав. **gyl-*, связанному чередованием с *гулять*. Ясно, что ни одно из этих славянских слов не претендует на родство с осет. *gīl/gelъ* «жердь, шест; дубина», курд. *gil*, *gili* «ветка; стебель», как думает автор (стр. 304). Осет. *gilon* «ребенок» сближается в словаре с русск. диалектн. *килун* «молодой кабан» (там же), но это оказывается случайным созвучием, если обратить внимание на внутреннюю форму славянского слова: *kyl-инъ*, собственно «клыкастый», у кого отросли клыки»⁵. Сравнение осет. *qwaъaeg* «тухлый» с русск. диалектн. *кулага* «пареное тесто» (стр. 320) маловероятно ввиду явно местного и сравнительно позднего характера последнего слова. Неточна реконструкция **gur-lo* для др.-русск. *гърло* (стр. 330), можно говорить либо о праслав. **gъr-dlo*, либо о дослав. **gŭr-tl-*, ср. литов. *gurklŭs* «зоб». От слав. *žuriti* получено именно производное *žurbъa*, а не *žurba* (так на стр. 333).

Интересно отметить вслед за автором родство осет. *raъaen* «вешалка» (первоначально — из рогов!) и слав. *rogъ* (стр. 345), тем более что до сих пор круг близких родственных связей славянского названия рога ограничивают обычно балтийскими языками (литов. *rāgas* «рог» и др.). Осет. *raъun*, *rad/iraъun*, *irad* «радоваться; быть довольным; кипеть»

⁵ О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках, М., 1960 стр. 67.

В. И. Абаев пытается сблизить со скиф. *rāda* < **rāta-* (стр. 348), но, как правильно заметил в свое время Фасмер, «эти слова трудно отрывать от форм, приводимых на *radēbъ*, *radu*»⁶. Осет. **ræf* «стропило; рейка» В. И. Абаев связывает за пределами иранских языков только с германскими словами: нем. диалектн. *ræfe* «стропило», др.-сев. *rāf*, *rāfr* «навес», швед. *råft* «стропило, рейка» (стр. 364). Однако при этом нельзя упускать из виду, по-видимому, соответствие праслав. **stropъ* < **storpъ* < и.-е. **krāro-*, куда относятся ст.-слав. *stropъ* στρόγγυ (Супр.), русск. диалект. *строн* «крыша, чердак, потолок», а с германской стороны также формы со следами *h-* начального — др.-исл. *hróf* «крыша, сарай», англосакс. *hróf*, англ. *roof*. На стр. 397 (в связи с осет. *ræxys/ræxis* «цепь») фигурирует очень живучая в литературе этимология русск. -цслав. *репяъ* «цепь», чеш. *řetěz* из германского, ср. др.-исл. *rekendi* «цепь». Эта этимология, однако, не может объяснить таких славянских форм, как польск. *wrzeciądz* «цепь» и др.-русск. *веретяга*, которое, видимо, надо читать как **веретяга* или **веретяга* и толковать как «цепь», ср. единственную цитату на это слово у Срезневского⁷: «Учнены сед(д)ьмь вервий то(н)ци и крѣпѣцѣ с хитрыми недоумѣнными железными веретяги. Оп. Флор. XV в.». Вполне правдоподобно и просто это слово этимологизируется на славянской почве как **vert-ęzъ*: **vertiēti*, русск. *вертеть*.

Слависта должна заинтересовать словарная статья, посвященная осет. **rġiw/ærgew* «хрящ» < ир. **grivā-* < и.-е. **g^uriū-*, ср. перс. *girē* «шея», пехл. *grēw* «затылок», а также перс. *gariva* «холм», авест. *grivā* «горный перевал», др.-инд. *grivā-* «затылок», русск. *grīva* (стр. 409). Ввиду четкости в иранском значений «горный перевал; гора» В. И. Абаев указывает на этимологическую связь с авест. *gairi-*, др.-инд. *giri-*, слав. *gora* «гора», однако при этом он одновременно подвергает сомнению связь с и.-е. **g^uer-* «глотать», что кажется излишним, поскольку перечисленные выше примеры позволяют взглянуть на семемы «гора» и особенно — «горный перевал» как на дочерние по отношению к «шея» (ср. аналогично франц. *col* «горлышко, воротник», а также «горный перевал, ущелье»). Помимо того, делается понятной огласовка др.-инд. *giri-*, литов. *giriā* «лес» (первоначально «горный лес»), наряду со слав. *gora*, литов. *nu-garā* «спина», буквально «(часть на-

⁶ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, III, М., 1974, стр. 429.

⁷ И. И. Срезневский. Материалы... I, стлб. 244.

чина) от шеи» как присущая глагольной основе и.-е. *g^uer-: *g^ur-: *g^uor-. Семантическая реконструкция слав. *g^o-ra как «горный перевал» и еще раньше — «шея; горло» была бы во всяком случае достойной внимания исследователей.

В двух, по крайней мере, статьях автор говорит о развитии осетинским любопытных фонетических «славизмов»: таковы осет. *rixī/rexā* «ус, борода» вместо ожидаемого *reš- (ср. 416), и статья об осет. *rūs/ros* «щека», где речь идет о дигорском *i-rix* «лицо», вместо *ruš- (стр. 432); в обоих случаях В. И. Абаев видит аналогию далеко зашедшей в известных условиях славянской фонетической эволюции $s > \dot{s} > r$.

Читатель найдет здесь немало интересного также в области индоевропейской этимологии. В частности, и в этом томе автор уделяет внимание сепаратным лексическим связям латинского и осетинского. Прежде результатом таких поисков явились осетинские (скифско-сарматские) соответствия латинским словам *Vulcanus, mustela*; во II томе рецензируемого словаря вскрывается близкая связь между осет. *riwad/revæd* «свободный; порожний, лишенный чего-либо» (иран. **fraivata-*) и лат. *privātus*, ст.-лат. *preiua-* от *privāre* «лишать, освобождать» (стр. 412—413).

Собственно иранской этимологии принадлежит в настоящем словаре ее законное место. Замечаниями по поводу некоторых иранских этимологий осетинских слов во II томе «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева мы хотели бы закончить рецензию. Осет. *ræwæd/rod* «теленки; телка; телка» реконструируется как иран. **fravata-*, ср. авест. *fravaiti-* «теленка», которое далее получает у автора интерпретацию как сочетание преверба *fra-* с формой от глагола «идти» (стр. 390). Однако для того чтобы стать уверенно в один ряд с таким действительно старым индоарийским названием, как осет. *wæss* «теленки» (др.-инд. *vatsā-* то же), куда его и помещает автор (там же), осет. *ræwæd* должно полнее отражать своей этимологией основную меру возраста домашних животных, т. е. понятие «год». Думается поэтому, что упомянутая выше иранская праформа данного осетинского названия теленка должна продолжаться и.-е. **pro-uet-* «прошлый год», ср. родственные наречия времени греч. *πέρυτι, πέρυσι* «в прошлом году» (**perut-i*), др.-инд. *parut-*. Обозначение теленка как годовалого, прошлогоднего имеет ряд примеров в индоевропейской лексике, причем видную роль играет как раз и.-е. **uet-* «год». Помимо вышеназванных др.-инд. *vatsā-*, осет. *wæss*, производными от этого индоевропейского термина времени оказываются греч. *ἔταλον, ἔτελον* (начало слова: *ἔτ-*), лат. *vitulus*

и слав. *tele* < **vet-el-*, как проникательно установил В. Махек⁸.

Наше внимание привлекло лексическое гнездо, которое представляется возможным интерпретировать иначе, чем в словаре В. И. Абаева. Это прежде всего осетинские слова *ærdū* и *ærdyn*. Осет. *ærdū/ærdō* «волос; волосинка; шерстинка» возводится в словаре к иран. **draw-* вместе с ормури *drī*, памирскими *ciw, ci*, ягнобским *diraw, daraw*, согдийским **zawi*, сакским *dro-*, *draw-* «волос», ховари *dro* «волос», кафирским *drō* «женский локоп». Выделяя именно последнее значение «женский локоп», автор делает его ответственным за этимологию, которую он видит в родственной связи с др.-инд. *draw-*, и.-е. **drey-* «бежать, течь», «что могло относиться не только к реке..., но образно и к ниспадающим волнами женским локонам» (стр. 401). Мысль, о том что эта красивая метафора лежит в основе данного названия волоса, вызывает сомнение. Большинство данных за то, что перед нами не поэтическое обозначение, а технический термин («волосинка; шерстинка»). Принимая во внимание естественную связь значений «волосинка; былинка; стебель; ветка; лес» (ср. русск. *влошь* «нить, волокно; былинка; колос», литов. *váltis* «колос овса, метелка», др.-ирл. *folts* «волос», греч. *λάσιος* «заросший волосами или шерстью» — **vltios*), нем. *Wald* «лес», мы вправе предположить, что иран. **draw-*, исходное для осет. *ærdū* «волос» и родственных, обозначало первоначально «дерево; лес». Косвенным указанием на такую древнюю семантику в осетинском слове может служить венг. *erdő*, др.-венг. *erdeu* «лес», которое мы склонны объяснять как заимствование из др.-осет. (алан.) **ærdau* «лес»⁹. Наличие десятков лексических заимствований древнеосетинского происхождения в венгерском, в том числе — среди основной лексики, обозначающей явления природы, — факт, известный языковедам.

Что касается осет. *ærdyn/ærdunæ, ænduræ* «лук (оружие); arcus»¹⁰, то оно возводится в словаре к иран. **druna-* сюда же перс. *durūna* «дуга; радуга, лук»,

⁸ См. еще: V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957, стр. 524.

⁹ Прочие этимологии венгерского слова см.: «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», I, Budapest, 1967, стр. 782.

¹⁰ К сожалению, В. И. Абаев не использовал этимологию, согласно которой в русск. *радуга* отражено др.-осет. **ardunga-* < иран. **drunaka-*, см.: О. Семереньи, *Славянская этимология на индоевропейском фоне*, ВЯ, 1967, 4, стр. 23.

